

И. Йор*

ДВИЖЕНИЕ ПРОТЕСТА И АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА В ГОЛЛАНДИИ 1806–1813 гг.

В 1827 г., спустя всего шесть лет после смерти Наполеона, французский математик, физик и библиотечарь Жан-Батист Перес опубликовал брошюру, где утверждал, что покойный император никогда не существовал. «Наполеон», о котором так много было написано, являлся, по утверждению автора, не более чем продуктом воображения. Имя «Наполеон» происходит от греческого слова *Apoléō*, означающего «Апполон» и, соответственно, «солнце». «Бонапарт» — косвенно также олицетворяет солнце, поскольку *Bona parte* — «лучшая часть», вызывает ассоциации с понятием «день». Выдвинув эти и другие подобные аргументы, Перес делал вывод, что Наполеон был не исторической, а аллегорической фигурой — персонификацией солнца¹.

Хотя брошюра являла собою попытку шуточной критики работ Шарля-Франсуа Дюпюи, пытавшегося доказать, что все религии основаны на общих представлениях, и не была рассчитана на восприятие всерьез, тем не менее, идея, выдвинутая в ней, явно бросала вызов воображению. Эта брошюра перепечатывалась множество раз во Франции и за ее пределами, причем в Нидерландах — вплоть до второй половины XX в.²

Во времена Наполеона вопроса о его исторической подлинности или о его действительном существовании не возникало — по крайней мере, в Голландии³. Тем не менее вопрос о том, жив ли император, зачастую вызывал сомнения и становился объектом спекуляций. Слухи о смерти Наполеона возникали часто, в основном во время военных кампаний. В секретной политической депеше от 24 июля 1809 г., отправленной Наполеону Жозефом Фуше, упоминаются слухи о смерти императора, цир-

* Йохан Йор, сотрудник Международного института социальной истории (Амстердам)

¹ *Péres J.B.* Comme quoi Napoléon n'a jamais existé, ou grand erratum, source d'un nombre infini d'errata à noter dans l'histoire du XIXe siècle. P., 1827.

² *Péres J.B.* Comme quoi Napoléon n'a jamais existé, ou grand erratum, source d'un nombre infini d'errata à noter dans l'histoire du XIXe siècle. Utrecht, 1972.

³ Нидерландский историк Й. Прессер, известный также своей замечательной работой о Наполеоне (*Presser J. Napoleon. Historie en Legende.* L.; N. Y., 1946) в своем комментарии о работе Переса ссылается на появившуюся ранее, в 1819 г., работу английского политэконома Ричарда Уайтли, где Наполеон также рассматривался как «конструкт», причем, скорее, конструкт английский, и где автор использовал более-менее те же аргументы, что и Перес. См. *Presser J. Ten geleide // Péres J.B.* Comme quoi Napoléon n'a jamais existé. Amsterdam, 1969. P. 17–18.

кулировавшие в Неймегене (Голландское королевство) и оттуда распространявшиеся по соседним районам, особенно в департаменте Рур⁴. Сам факт того, что полицейский аппарат Фуше не стеснялся распространять свою деятельность за официальные границы, много говорит об относительности независимого статуса Голландского королевства. Тем не менее упоминание этих слухов в отчете полиции Фуше также показывает, что они воспринимались режимом очень серьезно. Такие слухи помогали в «создании впечатлений о людях, проблемах и фактах», то есть слухи были частью процесса создания образов.

В этой статье будут рассмотрены формы, особенности и значение антинаполеоновской пропаганды, которая стала в Голландии частью протестного движения в период существования Голландского королевства Людовика Бонапарта (1806–1810) и французской оккупации Нидерландов (1810–1813). Эти две эпохи известны в нидерландской историографии как «Наполеоновский период». Хотя сильное французское влияние прослеживалось в Нидерландах уже со времен Батавской революции 1795 г., особенно в военной и политической сферах, тем не менее, взаимоотношения с Францией явно изменились после учреждения Наполеоном 5 июня 1806 г. Голландского королевства во главе со своим братом Людовиком. Этот акт положил конец Батавской республике и превратил Голландию в «государство-сателлит» империи Наполеона. В июле 1810 г., когда французские войска пресекли границы Голландии, она окончательно потеряла свою независимость: король Людовик 3 июля покинул страну и несколькими днями позже Голландия вошла в состав Французской империи. В Амстердаме была официально учреждена особая администрация «Голландских департаментов», включивших в себя территорию бывшего Голландского королевства вдоль реки Рейн. Пребывание Нидерландов в составе Империи закончилось в 1813 г., хотя в отдельных голландских городах французские гарнизоны оставались еще вплоть до 1814 г.

В нидерландской историографии «Наполеоновский период» долгое время рассматривался как время спокойствия, внутреннего мира и пассивного отношения голландского населения к бонапартистскому режиму. Тем не менее основательное исследование материалов архивов и первоисточников показывает, что «Наполеоновский период» в Голландии был отнюдь не тихим: движение протеста имело довольно широкий и разносторонний характер. Нередко случались волнения и другие формы неповиновения, в том числе несколько масштабных восстаний. Беспорядки в западной части Голландии в апреле 1813 г. власти даже оха-

⁴ Bulletin Fouché, 29 Julliet 1809 // *D'Hauterive E., Grassion J. La Police secrète du premier empire. Bulletins Quotidiens adressés par Fouché à l'Empereur, nouvelle série, 1809–1810. P., 1964. P. 127 (214).*

рактизовали как «гражданскую войну»⁵. Протесты принимали форму не только волнений, но и саботажа или, например, массового уклонения от службы в армии. Еще одним видом протеста было подстрекательство, которое можно определить как публичное выражение недовольства властями, официальными решениями и деятельностью государственных служащих.

В данной статье особое внимание будет уделено именно этим формам протеста.

Подстрекательство могло осуществляться в устной форме или через рукописные и печатные тексты. Формально можно выделить и четвертую категорию аналогичного протеста – «невербальную», которая включала в себя все виды театральных действий и целенаправленное использование антиправительственных символов. В истории Голландии Наполеоновского периода можно найти примеры и таких, «невербальных» протестов, но в данной статье речь о них не пойдет.

По сравнению с другими европейскими странами грамотность в Голландии была довольно высока. Тем не менее в начале XIX в. устное общение все же оставалось там главной формой передачи информации. Именно поэтому устная речь была важнейшим инструментом создания образов. Разумеется, невозможно подсчитать точное количество всех слухов, циркулировавших в Голландии Наполеоновского периода, но можно утверждать, что оно постоянно увеличивалось.

В период существования Голландского королевства ходило множество слухов о несчастливой супружеской жизни Людовика и Гортензии, об их планах расстаться или развестись и даже слухи о намерении Людовика отречься от престола. Этот поток слухов только усиливался из-за частых поездок Людовика за границу для посещения минеральных источников с целью поправить здоровье. В июле 1807 г., когда Людовик находился в своей третьей с момента восшествия на престол поездке на воды (на сей раз в Пиренеях), слухи о его отречении стали настолько интенсивными, что он приказал министру внутренних дел объявить ланддрас-там⁶ – аналогу французских префектов, что они должны формировать общественное мнение более активно, всячески подчеркивая, что король верен своему королевству, и четко объясняя, что он находится за границей исключительно в медицинских целях⁷.

⁵ Nationaal Archief, Den Haag (NADH). Rechtbank van Eerste Aanleg. Leiden. 3.03.60. Répertoire. 20. Procès-verbal 23 avril 1813 (436).

⁶ Ланддраст (нидер. landdrost(en)) – глава департамента в Голландском королевстве. – *Прим. перев.*

⁷ Циркуляр министра внутренних дел (Minister van Binnenlandse Zaken) от 11 июля 1807 // Noord-Hollands Archief, Haarlem (NHAH). Departmental Administration. 13. Landdrost. Secreet verbaal. 596. 13 July 1807.

Слухи распространялись особенно быстро в период военной и политической нестабильности. В правление Людовика это происходило во время французской кампании в Восточной Пруссии весной 1807 г., с началом волнений 1808 г. в Испании и, особенно, после английского вторжения на остров Валхерен (департамент Зеландия) в конце июля 1809 г. Английское вторжение изначально не представляло большой опасности для королевства Людовика, поскольку морские силы англичан были направлены против Антверпена, а их сухопутная кампания быстро забуксовала из-за плохой подготовки и эпидемии малярии, серьезно ослабившей английские войска еще до того, как зазвучали первые выстрелы. Тем не менее английская высадка в Зеландии породила множество «сенсационных» слухов по всей стране, особенно в ее северной и западной частях⁸.

После начала английского вторжения Наполеон осенью 1809 г. вызвал Людовика в Париж, что породило новый бесконечный поток слухов о скором отречении голландского короля и приходе многочисленных французских войск в Голландию. Подобные слухи о предстоящей французской оккупации циркулировали в Амстердаме уже в начале ноября 1809 г.⁹

Поток слухов не иссякал и после аннексии Голландского королевства Французской империей. Как обычно, ползли многочисленные слухи о смерти Наполеона. Дважды, в июне 1812 г. в Гааге и в июне 1813 г. в Амстердаме, они возникали наряду с известиями, что и Людовик Бонапарт также умер¹⁰.

После относительно спокойного лета 1812 г. общественное мнение получило новый и беспрецедентный импульс для формирования слухов, вызванный новостями о разгроме Великой армии в России. Об этом в Голландии узнали из «29-го Бюллетеня Великой армии», который сообщал об отступлении французской армии из России и в деталях описывал ужасы форсирования Березины¹¹. Этот Бюллетень был официально опубликован в Голландии 25 декабря 1812 г. и почти сразу

⁸ Письмо начальника полиции Смалигерланда (Smalingerland) от 9 августа 1809 // 'Tresoar'. Frisian Historical and Literary Centre. Leeuwarden (FH&LCL). Departmental Administration (BRF). Landdrost and Assessors. Repertorium Verbaal. 2912.

⁹ 9 NADH. Ministerie van Justitie en Politie (MJP). 2.01.10.04. Index secreet verbaal. 364. 1 November 1809.

¹⁰ Из Гааги 29 июня 1812 г. // NADH, Prefect Monden van de Maas (Préfet Bouches de la Meuse). 3.02.09. Indicateur. 208 (old 429); Register Ingekomen Stukken. 202 (old 423); Письмо Особого комиссара от 29 июня 1812 г. (3158). Amsterdam, 25 June 1813 // Archives Nationales, Paris (ANP), F7, Police générale, Rapports du Directeur de la Police en Hollande (1811–1813). 3064. 25 June 1813.

¹¹ 11 Groninger Archieven. Groningen (GAG). Bibliotheek. Catalogus Publicaties Overheid. 98.1. 'Nouvelles des Armées'. 210b. 29e Bulletin, 3 Décembre 1812.

же вызвал бурю слухов. Главной их темой с декабря 1812 г. была смерть императора, а также продвижение русских войск и высадка англичан. Слухи о десантировании английских войск в Голландии появились в Амерсфорте в марте 1813 г., что вызвало сильное беспокойство местной власти, поскольку они циркулировали, в основном, среди элиты¹². Помимо военных и политических слухов, в обществе пересказывали множество мрачных и ужасающих историй, которые определяли настроение людей на улицах. Например, в начале 1813 г. в Голландии говорили о том, что к берегу в департаменте Эмс-Ориental (бывшая Восточная Фрисландия) к берегу прибило ледяные глыбы замерзшей крови¹³.

После новостей из России шквал слухов практически не прекращался, хотя летом 1813 г. и наступила короткая передышка. Возбуждение стало вновь постепенно нарастать с конца августа до ноября 1813 г., когда в Голландии были официально объявлены новости о поражении французов при Лейпциге, после чего поток слухов заполнил страну. Хотя слух о немедленной передаче Голландии под власть Великобритании и новом правительстве, который обсуждался людьми, собравшимися у ратуши в Гааге 9 ноября 1813 г., и не был основной причиной восстания, но его можно рассматривать как важный катализатор свержения французского господства. Местная власть тогда смогла успокоить волнения в Гааге. Тем не менее за ними последовало еще несколько выступлений, которые в конечном счете привели к восстанию в Амстердаме 15–16 ноября 1813 г. Испугавшись народных протестов, генерал-губернатор Ш.-Ф. Лебрен ранним утром 16 ноября 1813 г. бежал во Францию вместе с другими французскими высокопоставленными лицами из центральной администрации Голландских департаментов. Бегство Лебрена вызвало полное и незамедлительное крушение французского режима в Западной Голландии, тогда как казачьи полки стремительно приближались к ее Северной и Восточной частям.

Роль слухов как формы протеста была двойственной: в большинстве случаев невозможно достоверно установить, происходило их распространение спонтанно или целенаправленно для усиления волнений. Власти не проводили особых различий между стихийно возникшими или целенаправленно распространяемыми слухами: и то, и другое считалось угрозой общественному порядку и безопасности государства. В апреле 1807 г. министр юстиции и полиции приказал административным колле-

¹² Отчет от 13 марта 1813 // ННАН, Departmental Administration. 14. Prefect. Police municipale et rurale. Reports (irregular). 651.

¹³ *Naber J.W.A. Overheersching en Vrijwording. Geschiedenis van Nederland tijdens de Inlijving bij Frankrijk, juli 1810-november 1813. Haarlem, 1913. P. 155.*

гиям департаментов (должность ланддроста еще не была введена) строго следить за общественным мнением и противодействовать распространению «ложных» слухов. Таковыми министерство считало те слухи, которые могут «волновать благонадежных и спокойных жителей и побуждать их к злым умыслам», а также могут нанести вред «общественному спокойствию» и «безопасности государства». Министр юстиции и полиции ссылаясь на свою должностную «инструкцию», которая требовала от него строгого контроля над прессой и запрещения к печати материалов с подстрекательским содержанием¹⁴.

На самом же деле борьба режима со слухами была малоэффективной. Полицейские и служители правосудия проводили расследования в общественных местах, чтобы выявить источники слухов, которые, по большей части, были хорошо скрыты. Однако такие расследования, как правило, ни к чему не приводили. Только изредка удавалось установить подозреваемых, как, например, в июле 1809 г. трактирщика Волбрагта заподозрили в распространении «будоражающих слухов» и «издевательских выражений»¹⁵. Слух об оккупации Амстердама английскими солдатами в августе того же года был, как следует из нескольких полицейский раппортов, распространен лодочником¹⁶. Девийер Дютерраж (**Devilliers Duterrage**), **шеф полиции Амстердама, был убежден, что «издевательские слухи о персоне Его Величества», которые распространились в конце декабря 1812 г., могут исходить от «Английского правительства»**¹⁷. По его мнению, торговцы, а точнее биржевые маклеры, могли быть еще одним источником нелепых и сомнительных «политических» слухов. Весной 1812 г. и летом 1813 г. ему доложили о распространении группой биржевых игроков слухов о политическом будущем Голландии¹⁸.

Из-за того, что источники слухов было невозможно установить, возможности правительства бороться против них применением наказаний оказались ограниченны. В упоминавшемся выше случае с Волбрагтом, его трактир был поставлен под особый полицейский контроль, а сам подозреваемый, упорно отрицавший свою вину, лишен лицензии на содержание питейного заведения. Девийер в борьбе со слухами ограничился принудительным закрытием нескольких пабов, в которых собирались торговцы после окончания сделок. Интересно, что главный судебный

¹⁴ NADH. MJP. Index. 362 and Secreet Verbaal. 262. 23 April 1807.

¹⁵ NADH. MJP. Register. 366; Secreet Confidencieel Verbaal (Secret Confidential Report). 274. 9 August 1809.

¹⁶ Письмо начальника полиции Смалингерланда от 9 августа 1809 // FH&LCL, BRF. Landdrost and Assessors. 2912.

¹⁷ Девийер – Реалу, 31 декабря 1812 г. // ANP. F7. 3064.

¹⁸ Девийер – Реалу, 1 июня 1812 г., 18 августа и 14 сентября 1813 г. // ANP. F7. 3064.

пристав Дордрехта в 1809 г. предлагал наказывать распространителей слухов об английском вторжении смертной казнью, но при этом признавал, что сие осуществить невозможно, так как король Людовик против столь жестоких мер наказания¹⁹.

* * *

Подстрекательские высказывания, содержавшие оскорбления в адрес правительства и открыто призывавшие к сопротивлению, были, в отличие от двусмысленных слухов, формой более ярко выраженного протеста. Их, так же как и слухи, невозможно подсчитать, поскольку критические высказывания политического толка в повседневном общении правительство, конечно же, не могло контролировать. Критические замечания и высказывания подстрекательского характера имели другие цели, нежели слухи. Тем не менее они могли совпадать. Вышеупомянутый трактирщик Волбрагт был взят на заметку полицией, поскольку его сочли источником распространения как слухов, так и оскорбительных выражений в адрес властей.

Не принимая во внимание те оскорбления и угрозы, что звучали во время бунтов и мятежей, можно утверждать, что особенности возникновения подстрекательских высказываний более-менее совпадали с особенностями распространения слухов: в периоды обострения международной и политической обстановки таких высказываний и упоминаний о них в полицейских отчетах становилось все больше.

В период существования Голландского королевства английское вторжение на о. Вальхерен породило множество подстрекательских высказываний. Более половины сохранившихся в архивах Министерства юстиции и полиции раппортов об этом виде протеста за период 1806–1810 гг. датировано июлем – сентябрем 1809 г. Это, несомненно, отражает действительный рост агитации, которая была вызвана ожиданиями, связанными с появлением английских войск. Однако усиление контроля за общественным мнением со стороны властей также могло вызвать рост числа зафиксированных случаев подстрекательства. По этой причине необходимо прояснить некоторые нюансы относительно действительной значимости всплеска протестных настроений в те дни.

В большинстве полицейских отчетов не сообщается о содержании этих подстрекательских выражений. В ноябре 1807 г. Фуше был обеспокоен волнениями в Гааге, спровоцированными заявлением Людовика о том, что он переносит свою резиденцию в Утрехт. В своем отчете Фуше извещает Наполеона о возмущении (*hauts cris*) жителей Гааги, не уточняя,

¹⁹ Письмо начальника полиции Смалингерланда от 31 июля 1809 г. // NADH. MJP. Register Secretet Confidencieel Verbaal. 366. 31 July 1809 (274).

в каких именно словах это выражалось²⁰. Ланддрост Брабанта несколько более ясно выразился в своем отчете о волнениях, произошедших в деревне Нижний Звалюве 2 августа 1809 г. Он докладывал министру юстиции и полиции в ноябре 1809 г., что «бунтарские действия», о которых тому сообщили, заключались в сборищах некоторых людей, кричавших «Власть [принцу] Оранскому!» (*Oranje Boven!*) и поднимавших тосты за «проклятие короля»²¹.

Оранжистские лозунги часто звучали летом 1809 г., особенно в Зеландии и на островах Южной Голландии (при короле Людовике это был департамент Маасланд), наиболее близко расположенных к месту боевых действий. Устные протесты в период английского вторжения были обращены не только к Людовику, но и к Наполеону. 10 августа 1809 г. главный судебный пристав Амстердама получил распоряжение от министра юстиции и полиции строго следить за подозрительными лицами в его городе, распространявшими «тревожные новости» о высадке англичан и неподобающе выражавшимися о «Его Величестве императоре Наполеоне»²².

В период пребывания Нидерландов в составе Французской империи, помимо международных новостей, появился еще один повод выражать недовольство — воинская повинность. Призыв на службу тотчас же был встречен массовым сопротивлением, которое выразилось в нескольких мятежах и мощном восстании в Амстердаме, вызванном набором первых призывников 11 апреля 1811 г. Во время этого восстания на улицы вышли тысячи людей, скандируя «Смерть французам» и «Ни один житель Амстердама не покинет города!»²³.

«Гражданская война» в апреле 1813 г. также была связана с недовольством населения воинским призывом, особенно набором в Национальную гвардию, куда, по слухам, собирались призвать мужчин 26 лет и старше для дальнейшей отправки в армию. Кроме неповиновения, воинская повинность также вызвала массу подстрекательских высказываний. Даже если не брать в расчет массовое дезертирство, принудительный набор новобранцев почти всегда вызывал в Голландии волнения и протесты. Недовольство могло выражаться в форме подстрекательских возгласов или призывов к насилию, а также в форме протестных песен,

²⁰ Bulletin Fouché, 3 Novembre 1807 // *D'Hauterive E.* La Police secrète du premier empire. Bulletins Quotidiens adressés par Fouché à l'Empereur. T. 3, 1806–1807. P., 1922. P. 426 (1145).

²¹ NADH. MJP. Register Secretet Confidientieel Verbaal. 366. 22 November 1809 (269).

²² NADH. MJP. 366. 6 and 10 August 1809 (178 and 200).

²³ Девийер — Реалю, 12 апреля 1811 г. // ANP. F7. 8374. Hollande. Organisation de la police. См. также: Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840 // Ed. by H.T. Colenbrander. Gravenhage, 1905–1922. (COL GS). Vol 6. 1911. P. 543 (749). См. также: <http://www.inghist.nl/retroboeken/gedenkstukken> и *De Flines Q.* Zes Pleidooin. Amsterdam., 1814.

как это было в Роттердаме 21 февраля 1813 г. во время жеребьевки рекрутов или в Амерсфорте 5 марта 1813 г. при отправлении новобранцев²⁴, которые пели традиционную оранжистскую песню и кричали, что «не желают проливать кровь, кроме как за принца Оранского»²⁵.

Песни часто использовались как вызов режиму не только во время призывов. В Дордрехте группа уличных музыкантов играла «Боже, храни Короля» 15 августа 1811 г., когда «День Наполеона» в первый раз официально праздновался в Голландии²⁶.

Вместе со слухами количество донесений о подстрекательских высказываниях выросло в разы после 25 декабря 1812 г., когда в Голландии официально объявили о катастрофе французской армии в России. Новость об «ужасной беде», погубившей Великую армию, как удар молнии поразила людей, которые уже с августа 1812 г. испытывали сомнения в правдивости триумфальных бюллетеней армии, наполненных браваурной риторикой. Образ Наполеона, серьезно подпорченный во время визита императора в Голландию осенью 1811 г. из-за проявленного им на встречах с общественностью безразличия и высокомерия, окончательно стал негативным.

С крушением армии внезапно стала очевидна уязвимость и самого Наполеона, еще больше убедив общественность в том, что его империя вовсе не вечна. С этой новой перспективой жители Голландии, как и многие другие народы Наполеоновской империи, встретили 1813 г. Крепла надежда на дальнейшие военные и политические успехи противников Наполеона, но к ней примешивалось чувство злости и горечи из-за того, что катастрофа Великой армии в России стоила жизни и тысячам голландцев²⁷. Голландцы надеялись как на международные политические изменения, так и на улучшение ситуации в самой Голландии. Лебрен подвел итоги этой ситуации в своем отчете Наполеону в январе 1813 г., открыто заявляя: «не стоит оставлять без внимания царящее здесь смятение умов и увлеченность политикой»²⁸.

²⁴ Etat des individus de l'un et de l'autre sexe détenus par mesure de police administrative ou de sureté dans les sept départements de la ci-devant hollandaise, 15 March 1813 // ANP. F7. Prisons. 3308; Report 'Garde Generaal', 8 March 1813 // NHAH. 14. Prefect. Reports (irregular). 651 (148).

²⁵ Report 'Garde Generaal'. 8 March 1813 // NHAH. 14. Prefect. Reports (irr). 651 (148).

²⁶ Полицейский рапорт от 25 июня 1812 г. // Stadsarchief Dordrecht (SADORD). Municipal Administration. 4. Brievenboek. 199 с.

²⁷ Около 15.000 голландских солдат были призваны в Великую армию. У нас нет точных цифр о количестве убитых или пропавших без вести за время кампании в России, но, судя по отчетам того времени, домой вернулась лишь горстка солдат. Подробнее см.: *Bosscha J.* Neêrlands heldendaden te land. Vol 3. Leeuwarden, 1840. P. 417. *Naber J.W.A.* Op. cit. P. 146–147.

²⁸ Лебрен — Наполеону, 23 января 1813 г. // ANP. AF IV. Secrétairerie d'Etat impériale. 1725b. Correspondence du Prince Archichancelier (1812/1813).

Власти предпринимали разнообразные действия для борьбы с подстрекательскими высказываниями. Мы знаем лишь о нескольких попавших под подозрение лицах в царствование короля Людовика. Они находились под тщательным полицейским надзором, а иногда и попадали под арест, как, например, фермер из Вурдена, оскорбительно выразившийся о правительстве, когда во время вторжения англичан в августе 1809 г. военные потребовали у него лошадей. В наказание он был отправлен в замок Вурден — традиционное место содержания политических заключенных в Голландии²⁹. Николас Вром, признанный виновным в подстрекательских и несправедливых высказываниях о короле, сделанных 31 июля 1809 г. в Амстердаме, был помещен под стражу и высечен. Чтобы выйти на свободу, он должен был подписать декларацию, обещая, что он никогда больше не будет высказываться «против порядка и общественного мира»³⁰. Николас Селдер, также житель Амстердама, был объявлен «сумасшедшим» из-за своих грубых высказываний в адрес властей в марте 1808 г. и отправлен в больницу для душевнобольных³¹.

С вхождением в июле 1810 г. Нидерландов в состав империи репрессии ужесточились, в том числе потому, что местная полиция стала тесно сотрудничать с департаментом французской секретной полиции в Амстердаме и использовать по всей стране многочисленных шпииков. Секретные агенты шпионили в театрах, церквях, трактирах — во всех публичных местах, что делало полицию практически вездесущей. Хелену Деккер, мать восьмерых детей, осведомленность секретной полиции привела в настоящий шок, когда ее в апреле 1812 г. арестовали за оскорбительные слова в адрес Наполеона, высказанные ею на барже, идущей из Амстердама в Лейден, и подслушанные полицейским шпионом. После заявлений от соседей о ее хорошем поведении Хелена была, к счастью, освобождена. Ее наказание ограничилось несколькими днями пребывания в тюрьме и официальным предупреждением³². А вот судьба Франсиса Старгарда оказалась более трагичной. Он был арестован после восстания 11 апреля 1811 г. в Амстердаме и приговорен к смерти Военной комиссией, специально созданной для проведения репрессий. На Старгарда донес полицейский шпиик, услышавший, как он в шутовском разговоре с соседом в день восстания сказал, разделявая рыбу: «Хотел бы я так же поступить с Наполеоном»³³.

²⁹ NADH. MJP. Register. 366; Seccret Confidencieel Verbaal, 274, 10 August 1809(194).

³⁰ NADH, MJP, Register, 366 and Seccret Confidencieel Verbaal. 274. 31 July, 2 and 4 August 1809 (151, 159 and 165).

³¹ NADH. MJP. Index Seccret Verbaal. 363 and Seccret Verbaal. 266 and 267. 24 March and 11 April 1808.

³² Полицейский рапорт от 23 апреля 1812 г. // SADORD. 4. 199 с.

³³ *De Flines. Zes pleidoorien* (1814); см также: *Versteeg H.J. Van schout tot hoofdcommissaris. De politie voorheen en thans. Amsterdam. P. 148.*

* * *

В движении протеста в Голландии эпохи Наполеона особую роль играло кальвинистское духовенство. Это относится, в первую очередь, к устным протестам. Во время правления Людовика Бонапарта бывший член партии патриотов Голландии Йохан Валкенар сообщил королю в феврале 1808 г.: «Жителей [...] настраивают против правительства сильнее, чем может вообразить себе Ваше величество. История этой страны дает немало примеров того, что брожение умов всегда возбуждалось и направлялось здесь подстрекательскими проповедями»³⁴.

Хотя Валкенар не доверял в данном отношении «священнослужителям всех религий», тем не менее, его главной заботой было кальвинистское духовенство. Дабы предотвратить их возможную фронду Валкенар советовал, с одной стороны, улучшить их материальное положение, повысив денежные пособия, с другой — держать их под «строгим надзором».

Людовик решил было воспользоваться советом Валкенара, но министр юстиции и полиции К. Ван Манен в своем докладе о двусмысленном тексте проповеди молодого священника в деревне Велсен в 1808 г. заявил: «Невозможно содержать повсюду или хотя бы только в деревнях людей, которые бы тайно следили за речами и проповедями священнослужителей»³⁵.

В данном случае священник Беркхаут из Велсена, деревушки возле Харлема, по-видимому, был воодушевлен вестями о восстании в Испании. Его проповедь строилась на толковании Псалтири, текст которой проповедник воспроизвел, используя как метафору для характеристики «положения на юге Европы» фразу о том, что «это могло бы разбудить спящие силы»³⁶. После небольшого расследования Ван Манен пришел к выводу, что эта проповедь была «исключительно религиозной»³⁷. Тем не менее Беркхаут получил официальное предупреждение проявлять в дальнейшем больше благоразумия.

Английское вторжение на Валхерен также побудило протестантских священников к более открытым высказываниям против режима. Особенно ярко это проявилось в департаменте Зеландия, точнее в деревне Колейнсплат. Там протестантский пастор Классен каждое воскресенье в течение всей кампании истово молился о том, чтобы «английское ору-

³⁴ Доклад Валкенара 15 февраля 1808 г. // COL GS. Vol 5 (1910). P. 402 (269).

³⁵ *Kluit M.E.* Cornelis Felix van Maanen. Tot het herstel der onafhankelijkheid. Groningen/Djakarta, 1954. P. 254–255.

³⁶ *Van Hogendorp G.K.* Journal d'Adrichem // COL GS. Vol 5 (1910). P. 434 (footnote).

³⁷ NADH, MJP. Index Secreet Verbaal. 363. 31 August and 2 September 1808 (31 & 1).

жие победило»³⁸. В апреле 1810 г. слухи о скорой оккупации французами Голландии воодушевили протестантского священнослужителя в Гааге на проповедь об исходе Израиля из Египта, прочитанной в «День молитв» (*Bededag*), учрежденный Людовиком Бонапартом. Король посчитал этот текст слишком политическим, и священник получил предостережение впредь избегать «подобных проповедей и высказываний, способных вызывать вопросы»³⁹.

Конфликты между властями и протестантским духовенством участились и углубились после присоединения Нидерландов к империи. Церковь постоянно выражала несогласие с военной повинностью. Помимо моральных и теологических мотивов порицать войну, существовали и практические причины такого протеста. Особенно ярко это проявилось в первый период после присоединения к империи. Бюро регистрации актов гражданского состояния в Голландии тогда еще не появились, и учет рождений, бракосочетаний и смертей велся в церквях, из-за чего священники оказались вовлечены в юридические процедуры, связанные с призывом, будучи обязаны выдавать новобранцам сертификаты о рождении. К тому же им приходилось мириться с тем, что церковные здания используются властями для ненавидимой прихожанами процедуры призыва: регистрации новобранцев, их медицинского осмотра и жеребьевки. Недовольство призывом было тем сильнее, что власти без устали напоминали протестантскому духовенству: их первый и наиболее важный долг – обеспечить «подчинение людей Императору и Закону» и потому необходимо «проповедовать подчинение военному призыву», как того требовал, к примеру, в сентябре 1811 г. де Селлес, префект департамента Зейдерзе⁴⁰. Чтобы быть уверенным в поддержке духовенства, де Селлес приказал пасторам Утрехта заранее отправить мэру тексты их проповедей.

Учитывая все это, неудивительно, что критика властей и самого императора священнослужителями усиливалась в период частых призывов на военную службу, как это было в первые четыре месяца 1812 г., при подготовке к кампании против России. В тот период сообщалось о волнениях в западной части страны, особенно в деревнях Хейно, Оммен и Грамсберген, где пасторы «яростно» проповедовали против призыва и отказывались выдавать сертификаты о рождении⁴¹.

³⁸ NADH, MJP. Index. 364 and Secretet Verbaal. 270. 7 November 1809.

³⁹ NADH, MJP. Register. 366; Secretet Confidencieel Verbaal. 276. 28 May 1810 (319)

⁴⁰ Het Utrechts Archief, Utrecht, Sous-Préfectures Utrecht (et Amersfoort). 71–1, Index Register. 89.

⁴¹ Девийер – Реалу, 10 февраля 1812 г. ANP, F7, 3064 and Historisch Centrum Overijssel, Zwolle (HCOZ), Sous-Préfet Deventer, 22.1. Доклад об антифранцузских настроениях протестантских проповедников, 446.

Наиболее тревожным для правительства из сообщений об актах неповиновениях было то, что касалось протестантского священника Хака, прочитавшего в феврале 1812 г. ряд больших проповедей перед многолюдной церковной аудиторией в Амстердаме. В своих проповедях, опять же основанных на толковании библейских текстов, Хак предсказывал падение «завоевателя наций» и, хотя он и не упоминал открыто имя императора, тем не менее его возбужденной аудитории легко было понять, что имеется в виду именно падение Наполеона. К удивлению Девийера Дютерража его руководство в Париже в обход него узнало о проповедях Хака. В Париже фанатизм Хака почти сразу же стал объектом внимания шефа первого полицейского округа Реаля и, соответственно, министра культов Биго де Преамено⁴². Последний незамедлительно предупредил генерал-губернатора Лебрена о «протестантских священниках» в Голландии, которые «словно одержимы нечистым духом и позволяют себе речи, вызывающие тревогу у правительства». Лебрен, в свою очередь, приказал интенданту по внутренним делам д'Альфонсу проинструктировать префектов относительно необходимости осуществлять «просвещенный надзор» (*une surveillance éclairée*) за священниками их департаментов⁴³. Девийер попытался успокоить своих руководителей в Париже, однако его рапорт о Хаке не смог полностью убедить начальника общей полиции Р. Савари. Более того, в это же время Наполеону были присланы и другие сообщения о собраниях в Роттердаме сапожников, башмачников и других людей из народа, перед которыми выступали священнослужители со страстными проповедями и прочими толкованиями вопросов религии⁴⁴. В июле 1812 г. Савари сам обратился по этому поводу к министру внутренних дел Ж.П.Б. Монталиве с предложением начать основательное совместное расследование в Голландии фактов существования «обществ религиозных фанатиков», которые, похоже, организованы во многих местах этой страны и в которых «ораторы доходят в своей экзальтации до того, что изыскивают в псалмах Давида указания на окончание сроков правления Его Величества Императора»⁴⁵.

Связь между подобными «обществами религиозных фанатиков» и пастором Хаком была далеко не вымышленной, поскольку еще в сентябре 1808 г., в период существования Голландского королевства, Хак уже привлекал к себе внимание министра юстиции и полиции своими предсказаниями в кофейнях Амстердама о будущем Наполеона, основанны-

⁴² Девийер – Реалю, 26 февраля 1812 и Девийер – Лебрену, 20 апреля 1812 // COL GS Vol 6. P. 959–60 (1256). Resp. NHAH. 14. Prefect. Kerkelijke Zaken. 515, 21 April & 6 May 1812.

⁴³ NHAH. 14. Prefect. 515. 21 April 1812.

⁴⁴ Лебрен – Наполеону, 3 февраля 1812 г. // ANP. AF IV. 1725b.

⁴⁵ Савари – Монталиве, 12 июля 1812 г. // COL GS Vol. 6. P. 326–327 (512).

ми на Откровении Иоанна Богослова⁴⁶. Вероятно, Хак был представителем одного из набиравших силу в Голландии и других частях Европы после 1800 г. эсхатологических движений, сторонники которых связывали через толкования Библии и нумерологию появление Наполеона с близящимся концом света. Хотя изначально его считали инструментом божественной воли, уже с 1808 г. и позднее его все чаще отождествляли с апокалипсическим зверем. Конкретный результат расследования относительно «обществ религиозных фанатиков» в Голландии был, однако, незначительным. Префект де Селлес подтвердил изначальную информацию о собраниях в Роттердаме, которые, по его словам, были «источником такого фанатизма». К этому он добавил, что за пределами указанного города имело место «несколько подобных выступлений в ряде городов Голландии и даже в нескольких деревушках»⁴⁷. Его коллега Хофстеде, префект департамента Буш де л'Иссель, сообщал, что в нескольких подведомственных ему деревнях проводились религиозные собрания, некоторые из них посетили более двухсот верующих. Там библейские тексты трактовались с сильным политическим подтекстом, поскольку интерпретация таких текстов была сопряжена с выражением «сочувствия матерям, чьи сыновья призваны в армию»⁴⁸. Дабы успокоить свое начальство, Хофстеде добавил, что подобные собрания уже запрещены мэрами.

Если судить по жалким результатам этого расследования, может показаться, что предположения Монталиве и Савари о существовании летом 1812 г. в Голландии широкой сети политически опасных «обществ религиозных фанатиков», не имели под собой оснований. Кажется весьма вероятным, что поступившие к Монталиве и Савари сведения ввели их в заблуждение, поскольку содержали достаточно отрывочную информацию о вспыхнувшем эсхатологическом фанатизме в Голландии вкуче с отчетами об относительно невинных в политическом отношении собраниях верующих для изучения и обсуждения новой литургии и, особенно, новых песнопений. Отсутствие какой-либо религиозно-политической сети, однако, не означает отсутствия широких политических и религиозных протестов. Отчеты префектов и другая информация показывают, что в выступлениях голландских проповедников зачастую эсхатологические вопросы увязывались с антифранцузскими и, особенно, с антинаполеоновскими идеями. Подобные проповеди несомненно производили сильное впечатление на верующих и усиливали их скрытое недовольство до тех пор, пока оно не выплескивалось в открытый протест.

⁴⁶ NADH. MJP. Index Verbaal. 353. 28 September 1808 (172).

⁴⁷ Де Селлес – Монталиве, 25 июля 1812 г. // COL GS Vol 6. P. 328 (514).

⁴⁸ HCOZ. Prefect. 20.1. Kladnotulen (draft minutes). 7014. 26 August 1812.

Отношения между духовенством и императором резко испортились в последние годы пребывания Нидерландов в составе Империи. Устные протесты пасторов умножились, как и слухи с подстрекательскими высказываниями, после 25 декабря 1812 г. Помимо устных появились и стремительно множились другие формы протеста священнослужителей, а именно отказ от особой церковной службы «**Te Deum**», введенной властями для празднования французских побед. В сентябре 1813 г. Девийер сообщил Реалю о массовом уклонении священнослужителей от ведения этой службы⁴⁹. Более того, по-видимому, протестантские священники были авторами многих рукописных прокламаций против наполеоновского режима, которые тайно распространялись в разных местах. Эти прокламации были одной из наиболее часто использовавшихся форм протеста и еще одним важным инструментом создания образа врага в Голландии наполеоновской эпохи.

* * *

Простой, но эффективной формой протеста были написанные мелом лозунги, как это имело место 10 марта 1813 г. в Лохеме на городских воротах, а в Лувардене на стене весовой конторы. В первом случае неизвестно, о каком именно тексте шла речь. Только косвенные свидетельства, а именно большое вознаграждение за информацию о сделавших это «преступниках», указывали на то, что лозунг имел бунтарское содержание⁵⁰. Во втором случае надпись намекала на скорый конец наполеоновского господства: «Императорский замок на продажу для сноса»⁵¹.

О рукописных листовках подобной направленности сведений немного. Они определялись полицией короля Людовика как «клевета» или «пасквиль». Их могли тайно раздавать на улице, оставлять в экипажах или бросать на дороге в надежде на то, что сочувствующие найдут, прочитают и передадут дальше. 10 сентября 1808 г. в Гааге на мостовой была найдена листовка бунтарского содержания, где резко критиковались министр финансов Гогел и министр юстиции и полиции Ван Манен, а также объявлялось о скором начале революции, вызванной тяжелыми налогами и плохой экономической ситуацией для рабочих и ремесленников. На обороте листовки предлагалось всем ее нашедшим распространить эти новости далее⁵².

⁴⁹ Девийер – Реалю, 28 сентября 1813 г. // ANP. F7. 3064.

⁵⁰ Gelders Archief. Arnhem (GAA). 16. Prefect. Uitingen van ongenoegen. 6011. Report Sous-Prefet Zutphen. 10 March 1813.

⁵¹ Het keizerlijk kasteel is te koop om af te breken. FH&LCL. BRF. Commissaire Spécial. Police reports Leeuwarden. 4363. 27 March – 2 April 1813.

⁵² Искаженный нидерл. 'Di t vynt maakt t rugbaar' // NADH. Hof van Holland Supreme Court of Holland (NH). 3.03.01.01. Criminele Stukken. 5639. Getuigeverklaring, 16 September 1808.

Наиболее часто использовавшимся способом или, точнее, тем, который более всего задокументирован в архивах, было расклеивание рукописных листов в наиболее часто посещаемых народом местах — на ратуше, церкви, городских воротах, на деревьях и стенах домов возле рынка. Подобные листовки определялись властями как «афиши» или «плакаты». Это было довольно примитивное средство распространения информации, однако его влияние было сильно. Листовки очень быстро привлекали внимание большого количества людей и, как видно из отчетов, читались вслух грамотными людьми для тех, кто сам прочесть не мог. Рукописная листовка против короля Людовика, вывешенная на стенах Маурицхейса в центре Гааги 2 сентября 1808 г., привлекла к себе внимание подчиненных главного судебного пристава, когда как минимум 40 человек собрались возле нее, громко обсуждая содержание⁵³. Рукописная сатира на Наполеона, появившаяся весной 1813 г., распространилась по всей стране за неделю⁵⁴.

Динамика распространения письменных протестов весьма схожа с распространением устных, причем, как видно из приведенных выше примеров, в сентябре 1808 г. их число увеличилось. Причиной тому стало решение Людовика сделать свой день рождения 2 сентября национальным праздником, что придало этой дате особую политическую важность. Усиление протестов, однако, может быть связано и с возrastавшим потоком сведений о неудачах французов в Испании. В выше упомянутой листовке в Гааге неизвестный автор прямо намекал на испанские события⁵⁵.

В период нахождения Нидерландов в составе Империи прослеживалась явная связь между интенсивностью распространения письменных протестов и призывами на военную службу и, конечно же, эта форма протеста резко возросла после 25 декабря 1812 г. Страну буквально наводнили письменные и устные протесты, динамика которых напоминает три волны. Первая, нараставшая с начала января до середины февраля, достигла пика, когда после раскрытия плана восстания в Амстердаме по приговору Военной Комиссии от 23 февраля 1813 г. были казнены двое подозреваемых. Вторая волна поднялась 15 марта после получения известий о восстаниях в Ганзейских департаментах и продолжалась до второй половины апреля 1813 г., когда народные выступления, спровоцированные призывом в Национальную гвардию, были жестоко подавлены карательными отрядами и Военной комиссией.

⁵³ NADH. Collectie Van Maanen, Aanwinsten 1900 (Accession 1900). 34. Getuigeverklaring, 6 September 1809; См. также: Девийер — Реало, 8 августа 1813 г. // ANP. F7. 3064.

⁵⁴ Naber J. W. A. Op. cit. P. 201.

⁵⁵ NADH. Collectie Van Maanen 1900. 34. Testimony, 6 September 1809.

Наконец, третья волна началась с конца августа и окончательно вышла из-под контроля властей после получения 3 ноября 1813 г. новостей о сражении при Лейпциге.

Невозможно подсчитать точное количество листовок и плакатов. В отчете Савари от 3 февраля 1813 г. Девийер ссылаясь на критическую ситуацию в Амстердаме, утверждая: «Нас по-прежнему захлестывает поток плакатов и афиш»⁵⁶. Подобные донесения, причем во время волнений поступающие практически каждый день, переправлялись Лебреном Наполеону. К сожалению, информация в них практически всегда сводится к общим фразам о том, что был обнаружен новый плакат, и к краткой характеристике его содержания — «бунтарский», «вредный», «подстрекательский», «издевательский» или, как в феврале 1813 г., «призывающий к насилию» и написанный не прозой, а «стихами»⁵⁷.

Тем не менее в архивах все же можно найти небольшое количество полных текстов, свидетельствующих о том, что в период Голландского королевства главным объектом нападков в листовках и плакатах был король. Так, в национальный праздник 2 сентября 1808 г. в Гааге был обнаружен антиправительственный плакат, подвергавший короля Людовика резкой критике. Текст был озаглавлен: «Вопросы главе Гааги, с просьбой опубликовать свои ответы в газете». В соответствии с названием было задано несколько вопросов, на которые автор сам же и ответил. Ответы носили оскорбительный характер, поскольку король был назван в них «негодяем», «французским деспотом», «преступником», «убийцей» и «тираном». Автор критиковал налоговую политику Людовика, равно как и его намерение перенести резиденцию в другой город. Высмеивалась его «отеческая забота» о народе, прославляемая официальной прессой, осуждался его «неудачный брак» и отъезд в Париж королевы Гортензии, которую в тексте называли «французской шлюхой». Автор заканчивал открытым призывом к сопротивлению и освобождению страны всеми способами от «отвратительного тирана»⁵⁸.

Английское вторжение на Валхерен в 1809 г. также способствовало появлению множества письменных протестов. Большинство их появилось в городах западной Голландии. Листовки эти имели следующие особенности: религиозный контекст, упоминания о прославившихся в XVI в. своим свободолобием предках, призывы к приходу англичан и реставрации дома Оранских. Одним из таких плакатов стал опубликованный 14 августа 1809 г. в Гааге и Амстердаме текст с заглавием «К на-

⁵⁶ COL GS Vol. 6. P. 601 (829).

⁵⁷ Лебрен — Наполеону, 23 февраля 1811 г. // Idem. P. 120 (183).

⁵⁸ NADH, NH, 3.03.01.01. Criminele Stukken. 5639, 6 September 1808.

роду Нидерландов». Название отсылало к памфлету XVIII в. Йоанна Дерка ван дер Капеллана против политики аристократии, ставшем фактически манифестом партии патриотов в 1780-х гг. В плакате 1809 г. резко критиковались аристократия, король и Наполеон, «тиран мира». Именно из-за императора «пролилась кровь нидерландцев», объяснял автор, особенно кровь невинных сирот, которых король Людовик брал в армию, чтобы, с одной стороны, удовлетворить требования брата, а с другой – избежать введения в Голландии ненавистного рекрутского набора. Эти планы короля вызвали множество протестов по всей Голландии, включая массовые волнения в Амстердаме и Роттердаме в начале 1809 г. Автор плаката также жаловался на налоги, призывал читателей поддерживать дом Оранских, поскольку в 1795 г. люди были сбиты с толку ориентированными на Францию батавскими революционерами, убеждал восстановить былое величие страны и ратовал за вооруженное восстание⁵⁹.

В период нахождения Нидерландов в составе Империи большая часть плакатов была направлена против Наполеона. Император назывался «тираном» или даже «архитираном», а также – «демоном» или «дьяволом». В шестистишии, развешенном по Лейдену в марте 1813 г., Наполеона называли «проклятой тварью», «монстром» и «Вельзевулом»⁶⁰.

Иногда авторы лишь намекали на Наполеона. В Амстердаме в феврале 1813 г. по всему городу было развешено множество копий протестных стихов, которые были целиком переведены Девийером и отправлены к Савари:

Орла ошипали,	(L'aigle est plumée.
Перья улетели,	Les plumes se sont envolées.
Император бежал,	L'Empereur est en fuite.
Мы кричим: «Да здравствуют Оранские!»	Et nous crions: vive Orange! ⁶¹

Некоторые письменные протесты были довольно длинны и сложны по содержанию. Эмар, полицейский комиссар Гааги, был поэтому убежден, что эти протестные поэмы сочинялись «людьми, способными хорошо писать»⁶². Как и в дни короля Людовика, многие плакаты периода аннексии имели религиозное содержание. Стихотворение, найденное в экипаже 21 сентября 1813 г. в Гааге, было написано по мотивам протестантского Символа веры и начиналось следующими словами: «Я верую

⁵⁹ Stadsarchief Amsterdam. Amsterdam (SAA). Library and NADH. MJP. Register. 366; Secretet Confidencieel Verbaal. 274. 25 August 1809 (217).

⁶⁰ Де Стассар – Реаю, 12 марта 1813 г. // ANP. F7. 3064.

⁶¹ Девийер – Савари, 3 февраля 1813 г. // ANP. F7. 3064.

⁶² Эмар – Савари, 2 февраля 1813 г. // ANP. F7. 3064.

в Александра I, Могущественного Императора всех русских, Защитника Европы и в Вильгельма VII...»⁶³

Правительство всячески старалось пресечь распространение таких плакатов. В периоды обострения обстановки в некоторых городах, например, в Дордрехте в декабре 1812 г. и январе 1813 г. создавались даже специальные патрули, чтобы выявлять и уничтожать все развешенные плакаты еще до того, как их могли бы прочитать⁶⁴. Главному судебному приставу Алкмара в августе 1807 г. выделили из городского бюджета достаточно большую сумму в 150 флоринов на поиск автора развешанных по всему городу плакатов против Людовика и Наполеона⁶⁵. Мэр Лохема обещал официальное вознаграждение в 50 флоринов за сведения о преступнике, написавшем мелом подстрекательский лозунг на городских воротах⁶⁶.

Несмотря на все усилия полиции и других официальных лиц, почти никто из авторов или распространителей того огромного количества листовок и плакатов, которые, согласно отчетам, ходили по всей Голландии, не был арестован. Арест Виллема Хёйскампа был редчайшим исключением. Его задержали за написание оскорбительных для властей строк на стене гауптвахты в Харденберге в ноябре 1809 г. Суд приговорил Хёйскампа к высылке из Овериссела на три года⁶⁷.

Уровень грамотности и сложности некоторых протестных стихов свидетельствует о том, что их создавали профессиональные поэты и писатели. Это предположение подтверждается тем, что некоторые политически ангажированные авторы исполняли публично свои сочинения. В период нахождения Нидерландов в составе Империи французская полиция также подозревала некоторых профессиональных авторов. Поэт Йан Фредерик Хелмерс был одним из них. Он в 1812 г. написал стихи «Голландская нация», где призывал к восстановлению независимости страны. Хелмерс умер в феврале 1813 г., как говорили, накануне его ареста полицией.

Сочетание литературного мастерства и религиозного содержания текста плакатов свидетельствуют о том, что духовенство также приложи-

⁶³ Девийер — Реало, 22 сентября 1813 г. // ANP. F7. 3064. Возможно, речь идет о наследном принце Нидерландов Вильгельме Оранском (1792–1849), воевавшем тогда против Наполеона в рядах войск Антифранцузской коалиции. Именно он был бы «Вильгельмом VII» по счету в династии статхаудеров Нидерландов. Его дед, последний из реально правивших статхаудеров, носил имя Вильгельм V. — *Прим. пер.*

⁶⁴ Полицейские рапорты от 28 декабря 1812 г. и 1 января 1813 г. // SADORD. 4. Rapports journaliers. 199a & 199b

⁶⁵ NHAH. 13. Landdrost (Police). Secreet Verbaal, 596. 5 August 1807.

⁶⁶ GAA. 16. Prefect. 6011. Report Sous-Préfet Zutphen. 10 March 1813.

⁶⁷ HCOZ. Hof. 31. Sententiën. 58. 1 March 1810.

ло руку к этой форме протеста. В донесении о подстрекательском тексте против императора и воинской повинности, который полиция Лейдена в январе 1813 г. нашла у одного из призывников, Савари утверждал: «Подозреваю, [...] что он был составлен кем-то из фанатичных протестантских пасторов, каковых в Голландии великое множество»⁶⁸.

* * *

Количество опубликованных протестных материалов в период существования Голландского королевства и вхождения Нидерландов в империю было достаточно ограниченным. Тем не менее первым значительным протестом против власти короля Людовика стал именно напечатанный памфлет «Призыв к людям Батавии» с многословным подзаголовком: «Выразиться открыто, осознанно и целенаправленно, против угрожающего нашей стране угнетения иностранцем»⁶⁹. Этот памфлет распространялся по стране в начале апреля 1806 г., когда Батавская делегация была вызвана в Париж Наполеоном для отчета и когда Людовик еще не был официально провозглашен королем. Распространители памфлета использовали широко практиковавшийся в Нидерландах способ передачи печатных материалов: посылки с памфлетом отправлялись по книжным магазинам на лодках и дилижансах. Распространители прикладывали записки с информацией о происхождении памфлета и предполагаемой цене⁷⁰. Памфлет 1806 г., в отличие от некоторых плакатов более позднего периода, был не оранжистским, а демократическим и республиканским. Более того, он напоминал о Батавской революции в Голландии 22 января 1798 г. Автор призывал людей организовать местные «патриотические общества», подобные прежним демократическим ассамблеям, оказывать сопротивление приближающемуся господству «иностранного узурпатора» и противостоять «хозяйственному разорению». Чтобы убедить читателей, что Голландия идет неправильным курсом, для определения происходящего использовалась выразительная метафора разрушительного «потопа». Власти смогли легко найти автора и распространителя текста, поскольку его имя и адрес были прямо указаны в памфлете: Мария Алетта Хюлсхоф из Амстердама. Эта дочь меннонитского священника была хорошо знакома бывшим демократическим лидерам Самуэлю Виселиусу и Йохану Валкнару. Последний, будучи известным юристом,

⁶⁸ Девийер — Савари, 12 января 1813 г. // NAP. F7. 3064.

⁶⁹ Oproeping van het Bataafsche Volk om deszelfs denkwijze en wil openlijk aan den dag te leggen tegen de overheersching door eenen vreemdeling waarmede het vaderland bedreigd wordt — См.: *Knuttel W.P.C.* Catalogus van de pamfletten-verzameling berustende in de Koninklijke Bibliotheek. Utrecht, 1978 (1890–1920). 23298.

⁷⁰ *Joor J.* De Adelaar en het Lam. Onrust, opruiing en onwilligheid in Nederland ten tijde van het Koninkrijk Holland en de Inlijving bij het Franse Keizerrijk (1806–1813). Amsterdam, 2000. P. 480–489.

даже пытался защитить арестованную Марию от судебного преследования, заявив, что у нее психическое расстройство. Мария решительно отказалась от подобной формы защиты, ибо это, утверждала она в суде, совершенно противоречило бы ее политическим целям и желанию довести свою позицию до общественности в полной мере и ясно. Однако, взойдя на престол, Людовик потребовал ужесточения контроля за прессой, и суд Амстердама без прений приговорил Марию 18 июля 1806 г. к двум годам тюремного заключения в исправительном доме за распространение текста, «весьма вредного для общественного спокойствия и безопасности государства»⁷¹.

Новость о назначении француза главой Голландии вызвала весной 1806 г. появление других, хоть и менее радикальных памфлетов. Авторы их, однако, не подвергались преследованию, несмотря на дипломатическое давление французского правительства на батавский режим с требованием быть более активным в этом отношении⁷².

Волна памфлетов весны 1806 г. стала последним всплеском публикации полемических изданий в Голландии. Если в последнее десятилетие XVIII в. в Голландии ежегодно выходило в среднем 137 памфлетов, то 1806–1810 гг. — 48. Более того, их содержание зачастую было вовсе не политическим. Большинство из этих памфлетов посвящались религиозным сюжетам или такой злободневной тематике, как, например, «Лейденская трагедия» — взрыв грузенной порохом лодки в 1807 г., либо смерть Йозефа Гайдна в 1809 г. Число действительно политических памфлетов, которые были настоящим движителем общественного мнения в Батавской республике⁷³, сократилось при короле Людовике до пяти штук. Два из них носили иносказательный характер, но оставшиеся три были явно направлены против власти. Первый назывался «Жалобы матери из Флиссингена» и был в 1808 г. анонимно отправлен издателю периодической прессы в Амстердаме, очевидно, для публикации в одном из журналов⁷⁴. Однако издатель сообщил о нем главному судебному приставу и в результате немедленно получил от министра юстиции и полиции запрет на публикацию. В последующие дни несколько копий этого памфлета были обнаружены в Лейдене и нескольких местах департамента Зеландия. По свидетельству главного судебного пристава Роттердама, копии памфлета циркулировали и по этому городу, но не доставлялись

⁷¹ SAA. Rechterlijk Archief/Schout en Schepenen (Judicial Archives/Bailiff). 5061. Sententieboek (Register of Sentence). 625. 18 July 1806.

⁷² Kemper J.M. Brieven over de tegenwoordig in omloop zijnde Geruchten // Koninklijke Bibliotheek (National Library). Den Haag (KBDH). Knuttel 23297.

⁷³ Man Sas N.C.F. Opiniepers en politieke cultuur // De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit, 1750–1900. Amsterdam, 2004. P. 209; Knuttel W.P.C. Op. cit.

⁷⁴ Klagt eener Vlissingche Moeder. NADH. MJP. Secret Verbaal. 266. 9 January 1808.

на баржах в магазины, как в Зеландии, а доставлялись частным образом путешественниками из Амстердама в Роттердам⁷⁵. Так что, вполне вероятно, что этот памфлет получил гораздо большее распространение, чем сообщалось в полицейских отчетах. Он вышел в ответ на «Соглашение в Фонтенбло» 11 ноября 1807 г., расширившее королевство Людовика за счет департамента Восточная Фризия в обмен на город Флиссинген, морскую крепость в Зеландии. Автор памфлета сокрушался о ее потере в первую очередь потому, что после аннексии этого города Францией живущие там матери вскоре столкнутся с опасностью потерять своих сыновей из-за «ненавистного и ужасного военного призыва»⁷⁶. За этими стенаниями следовала тирада против «королей, кровожадных и воинственных преступников» и страстный призыв к матерям сопротивляться, словно «фурии», поджигателям войны. Очевидно, главными объектами критики автора были Наполеон и Франция, тем не менее Людовик также подвергался порицанию. Его режим назывался «беззаконным» и «попирающим голландскую независимость» и осуждался не только по политическим причинам, но и за «невыносимый» налоговый гнет.

Второй памфлет «Печальные жалобы бедного сироты» получил распространение в декабре 1808 г. Он также был направлен против военного призыва, по крайней мере, автор порицал планы Людовика отправить сирот и бедняков из благотворительных приютов в армию и на флот. В памфлете Людовик был охарактеризован как «тот, кто называет себя нашим королем и угнетает нашу страну», после чего следовал призыв к сопротивлению народа, в том числе, если понадобится, вооруженному⁷⁷. Автор также выступал против налогов и возносил молитвы о скорейшем падении «тирании», упоминая о восстании испанцев. По-видимому, этот памфлет циркулировал только в Амстердаме. Оттуда посылки с ним были отправлены на баржах в Леуварден, где их изъяли еще до поступления в продажу⁷⁸.

В отличие от «Печальных жалоб», памфлет «Предупреждение против призыва» получил широкое распространение. Он был направлен против еще одного плана Людовика удовлетворить военные запросы Наполеона, не проводя рекрутского набора. Король предполагал реорганизовать издавна существовавшее в Нидерландах местное и общенациональное ополчение. Памфлет начинался стихотворением голландского поэта Йоста ван ден Вондела (1587–1679), называвшего соотечественни-

⁷⁵ Ibid. 15 February 1808 (1).

⁷⁶ KBDH. Knuttel 23323.

⁷⁷ Droevige klagt van een Aalmoeseniens-Weeskind // KBDH. Knuttel 23402.

⁷⁸ FH&LCL, BRF, Landdrost and Assessoren, Geheim Verbaal (Secret Report). 2914, 5 & 22 December 1808; Minuten Geheim Verbaal, 2915, 10 December 1808.

ков стадом овец, способных, однако, немедленно превратиться в стаю львов, если осознают свое рабское положение. Автор памфлета направил острие своей критики на Людовика, чей режим называл «нелегитимным» и призванным в первую очередь поддерживать «разрушителя Европы» Наполеона. По мнению автора, людям следовало отказываться от любого сотрудничества с властью и от выполнения указов Людовика, после перечисления которых высказывался призыв к сопротивлению⁷⁹. Распространение этого памфлета началось в маленькой деревушке близ Амстердама в конце апреля 1809 г., но вскоре сообщения о нем стали поступать со всей Голландии. В начале мая 1809 г. брошюру ночью подбросили под двери домов на нескольких улицах Хертогенбоса. В ответ бургомистр города обещал колоссальное вознаграждение в «100 серебряных дукатов» за информацию о распространителе⁸⁰. Тем временем министр юстиции и полиции начал расследование в национальном масштабе для обнаружения автора подстрекательского сочинения. Поиски завершились 4 мая 1809 г. арестом автора и распространителя. Оказалось, что им вновь была Мария Алетта Хюлсхоф. На сей раз ее приговорили к долгосрочной высылке, которая, по распоряжению короля, была заменена на заключение в уже упоминавшейся выше политической тюрьме — замке Вурден. Однако накануне отправки в Вурден Мария, переодевшись, совершила впечатляющий побег и с помощью своего давнего единомышленника С. Виселиуса была переправлена в Нью-Йорк.

Как следует из отчетов полиции, памфлеты порою довольно быстро распространялись по стране и вызвали живой интерес общественности. Владелец книжной лавки в Роттердаме Йоханес Хофхаут сообщил посетившей его полиции, что все 200 копий «Призыва к людям Батавии», присланные ему 11 апреля 1809 г., были распроданы в тот же день⁸¹. Столь живой интерес читателей к публицистике показывает, что отмеченное выше сокращение числа политических памфлетов произошло не из-за угасания интереса к политике, как традиционно предполагала голландская историография, занимавшаяся Наполеоновским периодом⁸², а в результате усиления контроля за прессой, которое Людовик начал с момента своего восшествия на престол. В соответствии с официальным указом в июне 1806 г., министр юстиции и полиции был обязан наблюдать за публикациями во всех периодических изданиях и запрещать под-

⁷⁹ *Waarschouwing tegen de Requisitie*. См. также *Joor J. History and Myth of Dutch Popular Protest in the Napoleonic Period (1806–1813) // Myth in History. History in Myth / Ed. by Laura Cruz, Willem Frijhoff. Leiden, Boston, 2009. P. 178–180.*

⁸⁰ NADH. MJP. Register. 366 and Secretet Confidencieel Verbaal. 273. 8 May 1809 (104).

⁸¹ SAA. 5061. Confessieboek. 507. 17 May 1806.

⁸² См.: *Colenbrander H. T. Schimmelpenninck en koning Lodewijk*. Amsterdam, 1911. P. 80.

стрекательские тексты, «оскорбительные для общества» и «направленные против безопасности государства»⁸³.

В период нахождения Нидерландов в составе Империи цензурный гнет был усилен. Лебрэн придавал особое значение контролю за газетами, и в апреле 1811 г. с распространением на Голландию декрета императора от 4 февраля 1810 г. там была введена предварительная цензура. Все типографы, издатели и владельцы книжных лавок были обязаны регистрировать и отсылать на предварительное одобрение префекту, полиции и членам «Общей дирекции типографии и книготорговли» те тексты, которые хотели опубликовать⁸⁴. Судя по одному из наиболее полных каталогов подобных материалов, общее количество памфлетов продолжало уменьшаться и после января 1810 г.: 20 – в последние шесть месяцев 1810 г., 10 – в 1811 г., 2 – в 1812 г., и вообще прекратилось в 1813 г. вплоть до окончания французской оккупации в конце ноября того же года. Более того, только один из этих тридцати двух памфлетов имел политическое содержание – довольно мягкую критику распоряжения Наполеона уменьшить на $\frac{1}{3}$ выплату процентов по национальному долгу Голландии⁸⁵. Этот памфлет имел хождение в Роттердаме и некоторых других местах на западе страны в сентябре 1810 г. Несмотря на довольно безобидное содержание, распространение брошюры было запрещено. По приказу Лебрэна и, что примечательно, по приказу командующего французской армией в Голландии маршала Удино были произведены обыски в книжных магазинах⁸⁶.

Еще одной формой печатных протестов в Голландии наполеоновской эпохи стали английские новостные бюллетени и политические памфлеты, распространявшиеся с английских военных кораблей. Английские моряки передавали в море голландским рыбакам британские пропагандистские материалы, привозили печатную продукцию на берег в шляпках или, засунув памфлеты в бутылки, просто выбрасывали те за борт, в надежде, что ветер, волны и течение прибьют их к берегу⁸⁷. Такие методы распространения английской пропаганды наиболее часто использовались в период нахождения Нидерландов в составе Империи. В эпоху Голландского королевства контроль за соблюдением Континентальной

⁸³ Instructie voor de Directeur-Generaal van Justitie en Politie, 14 June 1806 // SAA. Nieuw Stedelijk Bestuur. 5053. Wethouders. Bijlagen Notulen. 231. 5 August 1806.

⁸⁴ Roch E. La censure en Hollande pendant la domination française, 9 juillet 1810 – 16 novembre 1813. La Haye, P., 1923. P. 233–7.

⁸⁵ ⁸⁵ Aan Mijne Lot- en Landgenooten, zie KBDH. Knuttel 23472.

⁸⁶ Gemeentearchief Rotterdam, Rotterdam, Oud Stadsarchief, Burgemeester en opvolgers, Resoluties, 310, 16 September 1810 et seq.

⁸⁷ NHAH. Arrondissement Administrations. 15. Sous-Préfet Alkmaar. Publieke Orde. Police Reports. 899. 11 October 1812.

блокады был ослаблен, и относительно свободное сообщение между Великобританией и Нидерландами позволяло доставлять на континент английские новостные бюллетени и пропагандистские материалы. Таким образом, английская пропаганда велась по всему побережью Северного моря, включая острова в заливе Ваддензе на севере. Больше всего англичане распространяли свои листовки на побережье у деревень близ Гааги и Роттердама и севернее Петтена. Последний имел для них особое значение, поскольку здесь находилось много испанских военнопленных, занятых на работах по укреплению Ден Хельдера — стратегически важной для Наполеона морской крепости. Для воодушевления пленников английские шхуны подплывали совсем близко к побережью Петтена и демонстративно поднимая испанский флаг выше французского триколора⁸⁸.

Точных сведений о масштабах английской пропаганды у нас нет. Тем не менее абсолютно ясно, что это было рискованным предприятием. Крейн ван Регесмонтер был арестован и 12 августа 1812 г. приговорен к смерти Военной комиссией на острове Гуре по обвинению в «связях с врагом и попытку провезти на континент английские пасквили против Франции»⁸⁹.

* * *

Еще один вид печатной продукции, который можно было использовать для протеста, — картинки и карикатуры — также подвергался строгому надзору и цензуре. В период Голландского королевства контроль за распространением изданий входил в обязанности министерства юстиции и полиции, которое относилось к данной задаче очень серьезно. Это ощутил на себе торговец произведениями искусства Нюман из Амстердама, в июле 1809 г. арестованный и отправленный в исправительный дом за выставление на продажу коллекции гравюр с портретами бывшего статхаудера Вильгельма V, умершего в Брауншвейге в 1806 г.⁹⁰

Изображения смертного ложа Вильгельма V тоже продавались в Наполеоновский период и, что примечательно, в наборе с такими картинками: «гравюры, показывающие различные события, которые последовали за арестом Людовика XVI; портрет последнего, портрет его семьи и т.д.»⁹¹. Аукционы были поставлены под строгий контроль полиции, поскольку иногда использовались для проявления недовольства режи-

⁸⁸ Девийер — Реало, 30 августа 1813 // ANP. F7. 3064.

⁸⁹ Лебрен — Наполеону, 19 августа 1811 г. // AN. AF IV. Correspondence Prince Archichancellor (1811). 1724.

⁹⁰ NADH. MJP. Register. 366 and Seccret Confidentieel Verbaal. 275. 7 September 1809 (232).

⁹¹ Девийер — Савари, 12 июля 1813 // ANP. F7. 3064.

мом. В июле 1813 г. Девийер сообщал Реалю: «На некоторых общественных распродажах кое-кто осмеливался выставлять на всеобщее обозрение аллегорические гравюры, где батавский лев гоняет петуха, символ Франции»⁹².

Сообщения о настоящих карикатурах приходили нечасто. В январе 1808 г. главный судебный пристав Амстердама докладывал об обнаружении в этом городе нескольких «пасквилей и карикатур», не приводя подробностей⁹³. В апреле 1813 г. сообщалось о появлении на бирже в Гронингене ряда «афиш»: на них неизвестные изобразили «виселицу, а на ней маленькую фигурку человечка, возле которого написано “Император”»⁹⁴.

Обследование каталогов двух наиболее известных в Нидерландах собраний гравюр — Кабинета эстампов Государственного музея (Амстердам) и «Собрания Столка» в Роттердаме — показывает, что карикатуры политического содержания имели в Голландии хождение и в наполеоновскую эпоху, хотя их число было невелико⁹⁵. Большинство из них имеет иностранное происхождение, чаще всего британское, включая несколько гравюр Гилрея и Томаса Роулэндсона. Главной темой иностранных карикатур, ходивших во времена короля Людовика, было антифранцузское восстание в Испании, а точнее вызванные им неприятности для Наполеона. На этих картинках император изображался иногда цирюльником, иногда мясником, а то и вовсе каким-либо животным, например пауком, как на карикатуре 1808 г.⁹⁶ Коллекция также содержит три карикатуры 1808 г., где Наполеон предстает апокалипсическим зверем, причем изображение сопровождается нумерологией. Такие изображения вполне соответствуют общему антинаполеоновскому образу, который, как было показано выше в разделе об устных протестах, имел в Голландии религиозную окраску и эсхатологический подтекст⁹⁷.

Впрочем, темой заграничных рисунков были не только Наполеон и испанское восстание, но и само Голландское королевство. Особенно активно освещались сюжеты потери колоний, правления Людовика и

⁹² Девийер — Реалю, 22 июля 1813 г. // ANP. F7. 3064.

⁹³ NADH. MJP. Index. 363 and Secreet Verbaal. 266. 8 February 1808 (232).

⁹⁴ Префект Западного Эмса — Девийеру, 21 April 1813 // GAG. Departmental Administration. 3. Prefect. Register Uitgaande Missiven. 1192 (old 837). 265.

⁹⁵ Muller F. De Nederlandsche Geschiedenis in platen. Beredeneerde beschrijving van Nederlandsche Historieplaten, Zinneprenten en Historische Kaarten [...] 4 delen. Amsterdam, 1863—1882 (repr. 1970); Van Rijn G., Van Ommeren G. Atlas van Stolk. Katalogus der Historie-, Spot- en Zinneprenten betreffelijk de Geschiedenis van Nederland [...] 10 Volumes. Amsterdam, 1895—1933.

⁹⁶ ‘The corsican spider in His web’, Rowlandson after Woodward, 12 July 1808 // Van Rijn. Atlas van Stolk. Cat. nr. 6109.

⁹⁷ Van Rijn. Cat. nrs. 6111, 6115 en 6116. См. также: Jourdan A. Napoléon et la caricature européenne à la source d’une légende // Napoléon... Aigle ou Ogre. Montreuil, 2004—2005. P. 106.

контрабанды. Голландцы изображались на этих карикатурах иногда фермерами с лицом-сыром, иногда в виде лягушек, но всякий раз с непрерывной трубкой во рту⁹⁸. Одна из голландских карикатур, сохранившихся в коллекциях, — непристойное изображение королевы Гортензии: она полуобнаженная стоит перед горящим камином с бюстом Наполеона, а вокруг написаны эротические назидания⁹⁹. Эта карикатура — открытый намек на предполагаемую сексуальную распущенность Гортензии и ее неудачный брак с Людовиком, порождавший, как мы уже видели, бесконечное множество слухов и обсуждавшийся на некоторых плакатах подстрекательского содержания.

В Голландии имели широкое хождение не только английские, но и немецкие карикатуры. В 1813 г. на них, в частности, изображался Наполеон с картой Германии вместо груди и с лицом, составленным из трупов¹⁰⁰.

Собственно голландские рисунки в указанных коллекциях относятся целиком к 1813 г., а именно — к периоду после октября. Исключением является карикатура Наполеона периода его отступления из Москвы, на которой он изображен с чулками на голове — явная отсылка к голландской поговорке, означающей «быть отвергнутым». Эта карикатура является частью серии рисунков на тему поражения Наполеона в России, которые, вероятно, были опубликованы в каком-то альманахе. Такой же рисунок иллюстрирует поэму Корнелиуса ван Марле, молниеносно распространившуюся в начале февраля 1813 г. по всей стране в виде листовки: автор употреблял эту поговорку в отношении Наполеона¹⁰¹.

С падением французского господства произошли радикальные перемены в сфере печати. Бегство Лебрена породило лавину гравюр, литографий и карикатур. В описанных выше коллекциях, по меньшей мере 40% оттисков, датируемых периодом 1806–1813 гг., получили распространение после 21 ноября 1813 г., когда было создано новое голландское правительство. Это соотношение будет вдвое выше, если брать в расчет только карикатуры. То же можно сказать и о публикации памфлетов. Их издание полностью прекратилось после декабря 1812 г., однако после бегства Лебрена только за последнюю неделю ноября и за декабрь 1813 г. вышло 120 памфлетов. На картинках, появившихся после ноября 1813 г., Наполеон снова предстает во всевозможных смехотворных образах — в виде животных, но в большинстве случаев — в виде дьявола. Одной из шуточных вариаций на эту тему стали раскрашенные рисунки, имевшие

⁹⁸ ‘The Political Butcher of Spain’, G. S. Farnham, 12 September 1808 // Van Rijn. Cat. nr. 6112.

⁹⁹ Muller. *Nederlandsche Historieplaten* (1863–1882 (1970)), cat. nr. 5789 (1810).

¹⁰⁰ Muller. Cat. nr. 5898. См. также: *Jourdan A.* Op. cit. P. 114–115.

¹⁰¹ Muller. Cat. nr. 5818.

хождение в Голландии конца 1813 — начала 1814 г., на которых Наполеон изображался наряженной куклой в виде получеловека, полудьявола. Кукла могла быть одета как «лейтенант», «генерал», «консул», «император». Изображался и собственно Наполеон, бегущий из России с непренными чулками на голове¹⁰².

Некоторые голландские карикатуры изображали не Наполеона, а ненавистных французских таможенников, показывая отношение голландцев к Континентальной блокаде¹⁰³. В конце 1813 г. появилась также карикатура против цензуры: на ней был изображен большой печатный станок с полицейским на его вершине, которого пытались проткнуть пикой казаки, и типографом, разбивающим свои цепи¹⁰⁴.

* * *

Таким образом, как мы видели, в Голландии наполеоновского времени протестные настроения выражались в различных формах. Помимо многочисленных актов неповиновения, использовались и всевозможные виды подстрекательства. В архивах имеются отчеты об устных и невербальных протестах, о письменных сообщениях, которые распространялись на улицах или появлялись по ночам в общественных местах на стенах зданий и деревьях. Наконец, протест выражался в издании памфлетов, гравюр и карикатур, в которых высмеивались Наполеон, король Людовик или французский режим. Судя по всему, устные протесты, к которым в определенной степени можно отнести и слухи, и письменные протесты — листовки и плакаты, — были самыми эффективными формами подстрекательства. То и другое представляло собой эффективный инструмент создания образа врага.

Количество устных и письменных протестов возрастало в периоды международной и политической напряженности и во время военных призывов. Официальное сообщение о бегстве Наполеона из Москвы в декабре 1812 г. стало переломным моментом. Образ непобедимого Наполеона был бесповоротно разрушен, в результате чего стал нарастать бесконечный поток слухов, речей подстрекательского характера и антиправительственных плакатов. В большинстве случаев мы не знаем, какие именно слова употреблялись в бунтарских высказываниях. Нескольким проясняют ситуацию сообщения об оранжистских песнях и лозунгах. Однако следует заметить, что на протяжении долгого времени оранжистские лозунги не играли значительной роли в антинаполеоновских протестах. В период существования Голландского королевства

¹⁰² Van Rijn. Cat. nr. 6162.

¹⁰³ Muller. Cat. nrs. 5823 and 5824.

¹⁰⁴ Muller. Cat. nr. 5917. См.: *Joor J. De Adelaar en het Lam*. Amsterdam, 2000. P. 534.

оранжистские призывы были тесно связаны с английским вторжением на Валхерен летом 1809 г. Во время Империи всплеск оранжистских настроений произошел уже после марта 1813 г.

Письменные протесты были направлены, в основном, против Людовика Бонапарта в эпоху Голландского королевства и против Наполеона во время вхождения Нидерландов в состав Империи. Обоих изображали как «тиранов», а Наполеона — еще и как демона или апокалипсического зверя. Особенностью дошедших до нас протестных текстов является их религиозный подтекст и отсылки к памяти предков, храбро сражавшихся с испанцами в XVI в., а также — к величию Батавской республики. Вопреки усилиям полиции, авторы плакатов почти всегда избегали обнаружения и ареста. При этом литературный уровень и содержание многих текстов показывает, что голландские писатели, и прежде всего, протестантские священники активно участвовали в этой форме протеста. Во времена Империи французский режим пристально следил за протестантскими священниками, поскольку многие из них, интерпретируя библейские тексты, предсказывали падение Наполеона, поддерживая у прихожан антинаполеоновские настроения.

Роль печатных материалов, особенно памфлетов и карикатур, в создании образа врага у населения Голландии наполеоновского периода весьма ограничена. Это было следствием не политического безразличия, а строгой цензуры. В архивах сохранилось лишь небольшое количество карикатур за период с июня 1806 г. по ноябрь 1813 г., причем большая часть из них — иностранные. Судя по картинкам, хранящимся в двух важнейших нидерландских собраниях, антифранцузское восстание в Испании дало мощный импульс для появления карикатур с 1808 г. и в дальнейшем. Испанское восстание также упоминается в некоторых памфлетах и письменных текстах. После падения французского господства в Голландии страну захлестнул поток памфлетов и карикатур. В них высмеивался Наполеон, представленный обезличенно или, в большинстве случаев, в образе демона. Особенно количество карикатур увеличилось после ноября 1813 г. В письменных протестах, помимо основных тем — критики короля, императора и военного призыва, более или менее специфическим голландским сюжетом можно считать налоги.

В заключение отметим, что подстрекательства были дополнением к другим формам протеста: о подстрекательствах сообщалось с начала подчинения Голландии Наполеоном, они ширились во времена политической напряженности и умножились в разы после 1812 г. Более того, основные темы подстрекательских речей — недовольство режимом, королем, императором, воинскими призывами и налогами — были и главными причинами волнений, то есть протестов в целом. Судя по образу

врага — Наполеона, протестные настроения в Голландии развивались в том же русле, что в большинстве стран остальной Европы. В частности, голландские карикатуры на императора близки к английским и немецким. Образ Наполеона как дьявола гармонично сочетался с его характеристикой кальвинистскими пасторами — важной группой участников протестов.

Большая часть протестов носила еще традиционную окраску, вызывая скорее к «патриотическим», нежели собственно к «национальным» чувствам в том понимании, в каком их сегодня соотносят с понятием «национального государства». К тому же их форма и место проявления нередко отражали локальную и профессиональную специфику тех или иных групп участников протеста. А потому период французского господства в Голландии был отмечен в последние недели 1813 г. разными символическими действиями. Так, во время празднования 30 ноября 1813 г. мясники в Гааге нанизали куклу, наряженную Наполеоном, на крюк, используемый для подвешивания мясных туш на рынке. Несколько дней спустя носильщики торфа из того же города тоже простились с французским императором тем способом, который лучше всего соответствовал их профессии. Они сожгли Триумфальную арку, возведенную в честь императора¹⁰⁵. Вот и всё, что осталось от французского правления — один только пепел, да еще, возможно, мысль о том, что Наполеона никогда и не существовало.

¹⁰⁵ Haags Gemeentearchief (Municipal Archive The Hague). Den Haag, H s 373. *Baake N.J.* Journaal 1802–1813. 30.11; 6.12.1813.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>